

Трехъятній хвостъ.

Когда берешь въ руки № Собѣтской газеты, то первое, что поражаетъ, это какой то необычайный избытокъ энергии, направленной на хозяйственное строительство. Прель мнѣ № Торгово промышленной газеты отъ 5 января. Какое богатство плановъ и сколько воли, направленной на со-видимое! Проектируются мощные металлургические заводы. И въ какомъ количествѣ! «Въ первую очередь пять, и во вторую очередь шесть заводовъ». На Уралѣ спущены широкій планы комбинированія отдельныхъ отраслей промышленности на базѣ новыхъ заводовъ, развертыванія электроэнергии и rationalizации транспортной сѣти. А еще надо разработать и переработать основные методы и получить совсѣмъ иные результаты нежели тѣ, которые достигнуты въ насторѣщее время. Такъ все въ томъ же № Тор. Пром. Газ. мы читаемъ, что рѣшено «обеспечить самое активное (все въ превосходной степени), не даромъ повидимому, она не знаетъ французской поговорки, что le superlatif est le sache des sots) участие въ разработкѣ пятитысячнаго плана широкихъ рабочихъ массъ, профсоюзныхъ организаций... поэто огонь... критикъ должны быть поставлены какъ «общий планъ развития», такъ и «конкретныя судьбы каждого отдельнаго завода»... Настоящий день имѣеть своей «боевой задачей» снисканіе себѣстоимости. Другая задача «самое срочное изученіе существующаго положенія съ металлоизѣреблениемъ... съ конкретной разработкой вопроса о рациональному расходѣ чернаго металла... Мало того, надо широко организовать научно изслѣдовательскую задачу». А рядомъ съ этимъ въ томъ же № газеты требуется «научная разработка эффективности капиталаложенийъ и сниженія издержекъ производства».

Таковы залады, таковы проекты, которые выдвигаются советскими хозяйственниками на пространствѣ одной только первой страницы одного лишь номера газеты.

Можно было бы къ критикѣ этихъ задачъ и дѣйствительного ихъ выполнения подойти путемъ сравненія лѣтального со слѣдственнымъ. Но тотъ же № газеты даѣтъ намъ возможность получить выводы болѣе краткими путемъ. Мы находимъ еще конкретное практическое мѣропріятіе для подъема советской промышленности, а именно облороженный проектъ двухъ займовъ, помошью которыхъ народныя сбереженія должны быть направлены на промышленное строительство. Одинъ 5% облигационнаго заема Госшвеймашинъ на сумму 3 милли. р. на три года, а другой 8% для Сахаротреста.

Основная задача займовъ выставлена мѣстной патріотизмъ населения. Нормально, за исключениемъ особыхъ случаевъ величайшихъ опасностей грозящихъ родинѣ, промышленность обращалась за займами къ населению, обозначавшемъ его выплатными

условіями займа; развитіе промышленности это задача тѣхъ, кто займы беретъ. Можно было бы думать, что вѣра въ локальный патріотизмъ особенно велика, если принять во вниманіе что %ная ставка всего 5%, т. е. столь низкая, что и для Германіи это сейчасъ совершило нелояльный идеаль. Но отъ этого умозаключенія насъ оберегаютъ дальнѣйшіе условия займа. Кредиторъ при погашеніи своей облигации имѣетъ право получать въ суммѣ равной 50% швейной машины, а на остатокъ ея стоимости получать обычную расценку платежа и кроме того 10% скидки со стоимостью машины.

Туть предъ явились подлиннѣя карты русской промышленности и русскаго потребителя.

Чтобы доставить промышленности, занятой пропастию швейной машиной, т. е. «дефицитнаго товара», всего 3 милли. рубль, необходимо не только облигационный заемъ, но и первыхъ призыва къ мѣстной патріотизму, а во вторыхъ, обѣщаніе уплатить долгъ на половину швейными машинами. Убожество этихъ цифръ особенно рѣзко, если мы припомнимъ, что покупательная сила рубля составляла въ насторѣщее время, вѣроятно, не болѣе трети его nominalной стѣниости. И при такой бѣдности въ средствахъ разговоры о постройкѣ въ первую очередь пяти мощныхъ металлургическихъ заводовъ!

А съ другой стороны, чѣмъ думаетъ власть соблазнить населеніе для погашенія на заемъ? Половина лѣтнихъ въ ссуду должна будетъ возвращена въ видѣ на половину оплаченной швейной машины. Погодимо обещать полную оплату машины помошью облигаций, хотя бы и за полную стоимость, заводъ не рѣшился.

Итакъ, чтобы получить осуду, реальная стоимость которой не превышаетъ миллиона рублей, заводъ долженъ привѣгнуть къ ипотечному заему, пройти длинный путь контролльныхъ инстанций, долженъ обѣщать расплатиться со своими машинами, а «капиталистъ», желающій приобрѣсти швейную машину, долженъ подписать на заемъ и терпѣливо ждать три года.

Мы много читали о советскихъ хвостахъ, въ коихъ люди должны часами ждать очереди для получения хлѣба насыщенія. Но записаться въ своеобразную очередь на три года ста внесеніемъ стоимости швейной машины, чтобы черезъ три года получить ее, — въ такомъ очереди мы узнаемъ впервые изъ советскаго сообщенія, авторъ котораго по пѣдомыслью не понимаетъ, какъ упомянутыѣ бѣдности оправдываютъ выдачу себѣстоимости, заводъ не рѣшился.

Очень жаль, что откровенное советское сообщеніе ничего не говорить, быть ли учтенъ при определеніи процентной ставки за заемъ рискъ, который несетъ обязательство слушать, если советская власть не продержится трехъ лѣтъ вынужданий въ хвостъ советской швейной машины.

А. Наминка.

Пассанаурская месть.

Разсказъ.

Я шелъ къ Крестовому перевалу изъ листой и скользкой тропинкой. Ночь была холода. Вправо отъ меня сияла громадица, полуперта камнями Военно-Грузинской дороги.

Соснини-коробиники, вѣши въ горы, настриоди и грозы, почевали на дорогѣ. Они не распрыгали буйволовъ и посадили сторожа на телѣгу. Сторожъ спалъ. Пропыльяясь, онъ кричалъ. Затѣмъ, чтобы отогнать сонъ, привыкалъ пѣть, стучать пальцемъ объ оглоблю. Пѣсни были громкими. То были пронизительные рассказы о вознагражденіяхъ бѣгствіахъ, о прославленіяхъ раненыхъ, и буйволы, напуганные гортаннымъ шумомъ ихъ, мычали, оглыливались, упирались лбами о дорожные стѣвы, спозвались въ канавы. Коробиники не пропались. Поразительная увѣренность въ незыблемости благополучнѣй силы вѣльзъ ими, и повинувшись падти пропастью, они продолжали хрѣпѣть въ то время, какъ буйволы, служившіе имъ вожаками и пѣснями, недуомѣнико замыкали вѣзъ, болѣзнью покрываючи жвачку.

Я шелъ, неуѣрно осматривалась. Большая дорога уходила вправо, мѣжду скалами, засложилась скалами. Пристановились, я увидѣлъ недавноѣ круглую поляну. Я вспомнилъ на поляну.

Вѣтеръ, неизѣстно откуда появившійся, сразу сковалъ мѣнѣ ноги. Испезли скалы и кусты. Я былъ на высшей точкѣ перевала, чѣмъ мое следѣніе. И закуталась въ одѣяло, но вѣтеръ размоталъ меня. Желтый, короткий огонь пыталъ въ горной хижинѣ, кирпич и каменны. У самыхъ лѣгерѣй ехъ сильнѣ на корточкахъ человѣкъ. Онъ держалъ въ рукахъ хвостину, казалось, изъ вѣтра. Рукой казалось, болѣствовалъ, но самъ дѣлѣ спалъ.

Камень, — какихъ много на Кавказѣ. — вѣрѣлъ на видъ, но гнилой, дырявый на

Безъ зритини, (ПЕЧАТЬ)

Въ отличие отъ Періода или Борьбы, вообще въ отличие отъ капиталистическихъ столицъ въ советскихъ городахъ обращается на себя внимание отсутствие зритини.

Выличиніи зритини въ мѣнѣ занѣпѣхъ городовъ поконти, очевидно, на предѣлахъ, которыхъ отсутствуютъ въ большинствѣ Россіи.

Московскій корреспондентъ «DAZ», который такъ охотно пользуется раздѣлами чрезвычайными, объясняетъ это реформой брака, совершенной советской властью. Эта реформа появилась за собою простоту отношеній между мужчиной и женщиной на мѣсто той напряженности, какая существуетъ въ буржуазныхъ государствахъ.

Отрицательной стороны этой реформы корреспондентъ не только неизвестенъ, но онъ есть авторитетно отрицаетъ.

Прѣставленіе о разрывѣ и половыи оргияхъ, парящихъ среди коммунистического юношества, въ обществѣ не соответствуетъ действительности, противоположной такими представлениями, распространяемыми антисовѣтской пропагандой.

Какъ известно, эти прѣставленія распространяются въ первую голову советской литературой и газетами, но корреспондентъ права, что по существу, они то и занимается антисовѣтской пропагандой. Къ сожа-

ществу день 14 января было празднованіемъ мѣдленной обѣи обѣодѣнія, заупокойными ходьмами по убиennымъ и крестными ходьмами къ подвалу Краснѣйшей Кассы.

Въ этомъ году, въ десятнѣтіи со дня памятнаго события, произошло торжество прѣвращенія подвалъ въ часовню. Это торжество заслуживаетъ быть отмѣченнымъ изъ одной своей незау碌кой верти. На мѣстѣ, где кровью спланенные погибли люди разныхъ вѣров, въ молитвенномъ единицѣ сошлось и духовчество этихъ вѣровиновѣдій.

Въ одной и той же часовнѣ православнаго митрополита Эстоніи Александра и лютеранскаго епископа Куку служили по астонскій, протогрѣй Островомъ по церковно-славянскому, прѣстѣ Цурь-Мюленъ по иѣменнѣ, раввинъ Мостовскій по древнѣеврейскому и проф. Саземанъ — по латышскому.

Къ подвалу чеки превращенному въ часовнѣ, пришли крестные ходы со всѣхъ первыхъ городовъ. Во всѣхъ школахъ были прекращены занятия. И самъ глава правительства, бывъ же глава государства, соизволилъ Рей прислать Юреву телеграмму о событияхъ этого трагическаго дня.

То, что происходило въ Юревѣ, будѣтъ имѣть мѣсто и во всѣхъ городахъ Россіи, когда она освободится отъ коммунистического ига. Подвалъ Чеки достигаютъ своей цѣли, но тѣ, къ которымъ стремились коммунисты.

А. И.

Спящіе кровью.

17 января давно стало днемъ траурнаго празднія для Юрева. Десетъ лѣтъ тому назадъ въ этотъ день, собственно неожиданно для гражданинъ Юрева и для большинства, торжествѣйшій часъ своихъ ракры, городъ былъ освобожденъ съмѣльскимъ налетомъ отрядомъ эстонской войны, изъ мѣстной самообороны и русскими добровольцами. Но большинство приѣхало въ бѣзъ счастья, искавшіе спасенія въ хлѣбѣ дѣвьи, со спонтанною имъ жестокой подлостью. Изъ захваченныхъ въ качестве заложниковъ юрьевскихъ гражданъ, одинъ оторвалъ дѣвьи и убилъ ихъ. Не довольствуясь разстрѣломъ, красные авѣрии добивали свои жертвы штыками и прикладами. Когда немедленно послѣ освобожденія Юрева родственники заложнѣй бросились въ подвалъ Краснѣйшей Кассы, превращенный плачами въ землю Чеки, глазами ихъ открылось ужасное зрѣніе: 20 еще юнѣйшихъ группъ изувеченныхъ, съ проломленными терьми, пытковыми ранами, разбитыми лицами.

Среди убитыхъ былъ и первый православный митрополитъ весь Эстоніи Платонъ, два другихъ уважаемыхъ юрьевскихъ священника, одинъ лютеранскій пасторъ, пѣсколько купцовъ и т. д.

Съ тѣхъ поръ Юревъ ежегодно отмѣ

двоѳ — къ земѣ и къ кромѣ. Сторожъ по прежнему дремалъ, сидя на корточкахъ. Онъ былъ несырокъ, сѣдъ и хромъ. Старикъ бѣзпѣчно трепалъ на вѣтру. Ноги обуты были въ кавказскихъ туфляхъ, затянуты, какъ клювъ ворона.

Я спросилъ хромаго, отчего онъ такъ испугался, засѣживъ мон шаги.

— Брагъ, — сказѣлъ мѣнѣ хромой, — врагъ позлить на животъ, врагъ приходитъ съ зѣтька.

Я зѣтель.

— Чѣмъ врагъ, — сказѣлъ я, — какъ тамъ врагъ въ километрѣ отъ прѣѣзжей деревни? Ужакъ мѣнѣ, гдѣ твой врагъ?

И сторожъ, не вставая на ноги, очертилъ указательными пальцами кругъ, захвативъ и небо, и землю, и пески, и прости.

Въ ту ночь я долго не спалъ.

— Чѣмъ лѣѣ? — спросилъ я пинкло-ническаго доктора. — Откуда раненъ, къ чему сторожъ на двери хѣбаки?

Вотъ что рассказалъ мѣнѣ докторъ.

Имя раненаго — Ираклій Облинишвили. Въ давнѣи времена работалъ отъ въ Москвой на кожевенномъ заводѣ. Въ 1922 году вернулся онъ на родину и испросилъ разрешеніе открыть заводъ на дубленіе кожѣ. Власти выдали ему разрешеніе, сдали ему въ аренду землю на Землетокомъ Спукѣ Облинишвили построилъ заводъ, накупилъ здровъ, смастерилъ жестокую трубу и присталъ къ земли.

Докторъ волновался, размахивалъ руками. Онъ толковалъ о микробахъ, о механикѣ и химии зараженія. Хромой не слушалъ его. Наконецъ, докторъ хлопнулъ кочергой по полу.

— Дуракъ, — сказѣлъ онъ хромому, — подохнешь твои бараны.

Тогда хромой разсерился. Онъ вскочилъ на ноги, бросилъ на полъ шапку, выхватилъ кинжалъ изъ пояса.

— Дѣвъ, — крикнулъ изъ ящики доктору, чтобы тебѣ самого скроичло. Чтоъ пень вѣтасілся тебѣ въ глотку.

Помолчавъ, спорщики вновь присѣли къ огню. Всѣдѣлъ за землю, скрипѣли чаю, египетскими чайками, кипячеными, а также чайками изъ кипятка.

Докторъ говорилъ, что правды нѣть, что

